

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СВЯЩЕННЫХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на ~~~~~ Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ пере- № 6. редакціи сего журнала, при
сылкою пять р. с. ~~~~~ кievской семинаріи.

1870 года. Февраля 8-го.

Содержаніе: Поученіе о происхожденіи и природѣ челоуѣка. — Первосвященство Христоуо, по ученію ап. Павла въ посланіи къ евреямъ. — Разъясненіе недоумѣній, заявленнхъ редакціи. — Наша педагогическая періодическая литература въ минувшемъ году. — Зауѣтки о вѣрваніяхъ нѣкоторыхъ кавказскихъ горцевъ.

ПОУЧЕНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА.

Сотворивши ангельскій, духовный міръ, и міръ вещественный, Господь благоволилъ создать существо, которое бы соединяло эти два міра и состояло изъ вещества и духа, т. е. челоуѣка, состоящаго изъ души и тѣла. Сотвореніе челоуѣка, по повѣствованію свящ. писанія, происходило съ особенною торжественностію. Сперва происходилъ совѣтъ тріипостаснаго Божества о сотвореніи челоуѣка: *сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26); потомъ Богъ создалъ челоуѣка, *перстьъ вземъ отъ земли*, вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ челоуѣкъ живымъ существомъ (— 2, 7), и наконецъ, — жену изъ ребра мужа (— 2, 18. 22). Конечно, твореніе сіе совершилось силою мыслей и желаній всемогущаго Божества, но свящ. писаніе, для удобства нашего понятія, облекло оноо челоуѣкообраз-

ными дѣйствіями. Въ твореніи человѣка мы можемъ видѣть превосходство его въ кругу всѣхъ тварей и особенное назначеніе человѣка. Блаженный Феодоритъ объ этомъ разсуждаетъ такъ: «мы не говоримъ, будто Божество имѣетъ руки или нуждается въ какомъ либо совѣтѣ и предварительномъ размышленіи; но утверждаемъ, что каждое изъ такихъ выраженій (священ. писанія) показываетъ только большее, чѣмъ о другихъ тваряхъ, попеченіе Божіе о человѣкѣ»¹⁾.

И такъ, человѣкъ состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей, вещественнаго тѣла, созданнаго Богомъ изъ земли, и невещественной души, которую Богъ сообщилъ непосредственнымъ Своимъ дуновеніемъ. Тѣломъ своимъ человѣкъ заканчиваетъ міръ вещественный, душою своею начинаетъ міръ духовный, ангельскій, — и такимъ образомъ въ составѣ всего творенія служить звѣномъ, соединяющимъ эти два разнородныхъ міра. Какъ членъ вещественнаго міра, человѣкъ живетъ подобно всѣмъ безсловеснымъ животнымъ: питается, дышетъ, поддерживается произведеніями видимой природы, воспроизводитъ отъ себя потомство и т. п.; какъ членъ міра духовнаго, человѣкъ, подобно ангеламъ, имѣетъ понятія о невещественныхъ предметахъ, сознаетъ свои обязанности, вѣритъ въ непостижимое Божество, свободно исполняетъ Его волю и т. п. То, что мы говоримъ о человѣкѣ, одинаково относится какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. Сотвореніе жены изъ ребра мужа нисколько не свидѣтельствуетъ о меньшемъ достоинствѣ природы женщины сравнительно съ мужчиной, напротивъ, происхожденіе женщины отъ мужа доказываетъ въ ней одинаковую природу съ мужчиной, естественную неразрывную связь того и другаго пола. Первый человѣкъ Адамъ, увидѣвъ передъ со-

1) »Христ. Чт.« 1843 г. 111, 346. 354.

бою лишь только созданную жену Еву, сказалъ о ней: *снннть кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти мояя...* *Сего ради оставитъ человекъ отца своего и матеръ и прильнитъ къ женѣ своей и будетъ два въ плоть одну* (Быт. 2, 23. 24). Стало быть, народное повѣрье, будто женщина надѣлена Творцемъ меньшими дарами, чѣмъ мужчина, прямо противорѣчитъ слову Божію и есть повѣрье несправедливое.

Человѣкъ, состоя изъ вещества и духа, или изъ тѣла и души, чувствуетъ себя совершенно единичнымъ: ту и другую часть Богъ соединилъ въ одну личность, соединилъ ихъ сочувствіемъ другъ къ другу и положилъ между ними связь существенную и неразрывную. Какимъ образомъ душа въ человѣкѣ соединена съ тѣломъ, это тайна для насъ неразгаданная. Человѣкъ тогда только есть цѣлое существо и полный человѣкъ, когда онъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ души и тѣла,—потому что изъ этихъ двухъ частей, а не иначе, Богу угодно было сотворить человѣка. Безъ души, съ однимъ тѣломъ, человѣкъ не есть человѣкъ, а трупъ, обреченный на сгніеніе; равно и безъ тѣла, при одной душѣ, человѣкъ не есть полный человѣкъ,—потому что душа безъ тѣла лишается своего естественнаго орудія, не можетъ ни жить, ни дѣйствовать въ здѣшнемъ мірѣ ¹⁾); и есть тоже, что художникъ безъ орудія, сила безъ дѣйствія, огонь безъ стараемаго вещества. Блаженный Августинъ говоритъ: »человѣкъ не есть одно тѣло, или одна душа, но состоитъ изъ души и тѣла«. Въ томъ же смыслѣ учили и другіе св. отцы церкви, когда говорили, что »жизнь человека есть не иное что, какъ соединеніе души съ тѣломъ, а смерть — разлученіе души отъ тѣла« ²⁾. Смерть, неизбежная для человека въ настоящемъ его состояніи, разлучаетъ ду-

1). »Догмат. богосл.« Антонія § 120.

2). »Правос.—дог.м богосл.« Макарія § 80.

шу съ тѣломъ только на время; но эта временная разлука, по особымъ причинамъ, стала необходимою для ихъ вторичнаго и вѣчнаго соединенія.

Не смотря на тѣсное соединеніе духа и вещества въ одномъ человѣкѣ, каждая изъ этихъ частей человѣческаго состава сохранила свои особыя естественныя свойства. Такъ, душа человѣческая есть духъ, во всемъ подобный ангеламъ, хотя и низшій сравнительно съ ними; она невидима, бессмертна, одарена умомъ, свободою и всеми способностями, свойственными богоподобному духу. Если праведная душа изображается иногда на иконахъ въ видѣ младенца, то это допущено лишь для нагляднаго изображенія ея невинности и непорочности: но не такова она въ дѣйствительности: невидимаго и невещественнаго изобразить на иконѣ не возможно. Тѣло человѣческое есть сложное вещество, во всемъ подобное прочимъ тварямъ здѣшняго міра, хотя, сравнительно съ ними, и гораздо совершеннѣйшимъ образомъ устроенное: взятое отъ вещества, оно отъ вещества рождается, веществомъ питается, веществомъ живетъ, веществомъ возрастаетъ и въ вещество возвращается: *возвратится въ персть* (т. е. тѣло человѣческое) *въ землю, якоже бы*, сказано въ свящ. писаніи, *и духъ возвратится къ Богу, иже и даде его* (Еккл. 12, 7).

Первобытній человѣкъ былъ самымъ совершеннѣйшимъ созданіемъ Божіимъ на землѣ. Въ человѣкѣ было полное единство духа и вещества, — душа и тѣло въ немъ непротиворѣчили другъ другу, дѣйствовали совокупно и не вносили мукъ въ двойственное существо человека. Тѣло человека было совершеннѣйшимъ орудіемъ совершеннѣйшей души. Соединивъ въ себѣ вещество и духъ, человѣкъ составилъ и звѣно въ цѣпи твореній; сталъ узломъ, связующимъ два разнородныхъ міра; черезъ него открылись взаимныя сообщенія между ангелами и тварями вещественными: при

посредствѣмъ человѣка могутъ дѣйствовать въ здѣшнемъ мірѣ небесныя силы, и при его посредствѣ твари здѣшняго міра могутъ пользоваться благодѣянiями небесныхъ силъ. Первобытнiй человѣкъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ любимыми, взаимно любящими и послушными тварями; внутри себя онъ постоянно носилъ неистощимыя утѣшенiя св. Духа, и такимъ образомъ непрерывно наслаждался такимъ блаженствомъ, какое только вмѣстѣ былъ въ состоянiи.

Образъ и подобiе Божiе заключается въ человѣческой душѣ, которая, подобно Богу, невещественна, бѣсмертна, разумна, свободна, способна къ добру и святости и одарена другими свойствами, приближающими ее до подобiя Божественному существу. Богъ поставилъ человѣка въ вещественномъ мірѣ видимымъ Своимъ представителемъ, и онъ, олицетворяющiй Божественную любовь, долженъ былъ относиться ко всѣмъ тварямъ вообще и къ каждой порознь съ богоподобною мудростiю, съ богоподобною добротою, съ богоподобною любовью. Человѣкъ, просвѣщаемый Богомъ и руководимый небесными силами, долженъ былъ изучать великiя тайны творенiя и устройства міра, и, по мѣрѣ умноженiя собственной мудрости, устраивать и умножать благополучiе тварей, надъ которыми онъ получилъ богоподобную власть; а вмѣстѣ съ умноженiемъ благополучiя тварей человѣкъ предназначенъ былъ раскрывать въ своемъ добромъ сердцѣ большую и большую прiемлемость къ собственнымъ радостямъ. Первобытнiй человѣкъ не имѣлъ такихъ нуждъ, для удовлетворенiя которыхъ требовались бы какiя либо страданiя тварей: его нужды были просты и близки къ щедрой природѣ; тѣло не нуждалось въ одеждѣ и постройкахъ домовъ; пища была назначена человѣку растительная, а не животная (Быт. 1, 29. 30), — злыя нужды образовались самъ въ себѣ человѣкъ, когда согрѣшилъ. Всеобщему благополучiю не предвидѣлось ни конца, ни мѣры, тѣмъ

болѣе, что отъ первобытныхъ людей имѣло произойти многочисленное человѣческое общество, которое соединенными силами совершенствовало бы свои богоподобные дары и умножало бы до безконечности блаженство какъ собственное, такъ и всего созданія. Но послѣднему не суждено было сбыться. Первобытные мужъ и жена согрѣшили,—и все пропало; отъ нихъ дѣйствительно произошло потомство, но потомство злое, которое стало мучить другъ друга, мучить подвластныя ему твари и само мучиться.

Братія! мы тѣ самые потомки первобытныхъ человѣковъ, которые своими злыми поступками отягощаемъ себя и другихъ, сами несчастны и дѣлаемъ несчастнымъ все насъ окружающее. Злу всегда сопутствуютъ несчастія; не будь зла, не было бы и несчастій. И зло мы дѣлаемъ не по принужденію, а добровольно: стало быть, всѣ наши несчастія зависятъ отъ насъ. Правда, въ обществѣ злыхъ и несправедливыхъ людей и добродѣтель бываетъ часто несчастною; но это только такъ намъ кажется, но не такъ въ дѣйствительности. Подвиги добра тяжелы и невыносимы только для человѣка, который не думаетъ о будущей жизни, но эти же самые подвиги легки и пріятны, коль-скоро мы имѣемъ въ виду божественныя обѣтованія и надѣмся на ихъ исполненіе. *Иго мое благо, и бремя мое легко*, сказала Иисусъ Христосъ о спасительной добродѣтели (Мѡ. 11, 30). Аминь.

Свящ. *Петръ Красовскій.*

**ПЕРВОСВЯЩЕНСТВО ХРИСТОВО, ПО УЧЕНІЮ АП. ПАВЛА
ВЪ ПОСЛАНІИ КЪ ЕВРЕЯМЪ.**

(4, 14—8, 13).

Первый отдѣлъ посланія ап. Павла къ евреямъ составляетъ изображеніе ходатайственнаго служенія Иисуса

Христа. Переходомъ же отъ *ходатайственнаго* къ *первосвященническому* служенію Иисуса Христа служить у апостола браткое увѣщаніе читателей къ твердости въ вѣрѣ и надеждѣ на Христа. Потомъ, выходя изъ понятія, лежащаго въ основаніи всякаго священства и требованій отъ истиннаго священства, апостолъ показываетъ, что Христосъ есть истинный первосвященникъ человечества. Но такъ какъ это важное и таинственное ученіе о священствѣ Христовомъ можетъ быть надлежаще понимаемо и усвояемо просвѣщеннымъ вѣрою разумомъ и утвержденнымъ въ христіанской жизни сердцемъ, то онъ снова увѣщаетъ своихъ читателей къ твердости въ вѣрѣ, представляя имъ ужасныя слѣдствія отпаденія отъ вѣры; указывая же на примѣръ великаго ихъ праотца, Авраама, онъ возбуждаетъ ихъ къ несокрушимой твердости въ христіанской надеждѣ. Изложеніе же ученія о первосвященническомъ служеніи Христовомъ связывается за тѣмъ съ словами псаломѣвца: *клятсѣ Господь и не раскается: ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 4). Изъяенивъ подробно этотъ текстъ, апостолъ изъ сказаннаго выводитъ преимущество священства Христова предъ ветхозавѣтнымъ священствомъ. — Мы имѣемъ здѣсь важнѣйшій и вмѣстѣ труднѣйшій отдѣлъ всего посланія. *Священство Христово*, — собственно главный пунктъ, около котораго движется все посланіе.

Понятіе о священствѣ. Христосъ есть первосвященникъ по чину Мелхиседекову.

(4, 14—5, 10).

Ст. 14. Уже выше (2, 17 и 3, 1) апостолъ началъ говорить о *священствѣ* Христовомъ; но тамъ онъ говорилъ только мимоходомъ, имѣя въ виду первѣе всего сравненіе Иисуса Христа съ Моисеемъ. Потомъ онъ къ этому присоединилъ увѣщаніе 3, 7—4, 13. Здѣсь же онъ снова сло-

вомъ *убо*—*ου* берется за прерванную нить: *имуще убо архіерея велика, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божія, да держимся исповданія*. Слова: *архіерея велика* нельзя понимать въ томъ смыслѣ, какъ бы ими обоими выражалось понятие собственно первосвященника (въ такомъ случаѣ стояло бы не *архіерея велика, а іерея велика*): но слово *великій*—*μεγας* служить къ означенію, *возвышенности*. Эта же возвышенность нашего первосвященника является въ томъ, что онъ «прошелъ небеса». Какъ земные первосвященники чрезъ земное святилище проходили въ святое святыхъ къ ковчегу завета, такъ Христось чрезъ небеса пришелъ въ непосредственную близость къ Богу (ср. ниже 7, 26. 9, 11 и д.).—Въ основаніи выраженія *небеса* (*οὐρανοί*—*οὐραν*) лежитъ понятіе о множествѣ небесъ или небесныхъ странъ. Ап. Павелъ во 2 Кор. 12, 2. говоритъ о *третьемъ* небѣ, и за нимъ древніе богословы различаютъ небо *воздушное, звѣздное и эмпирейское*; равнины насчитываютъ даже *семь* небесъ. — *Исповданіе* — *ομολογια* здѣсь опять нужно принимать какъ и въ 3, 1, въ смыслѣ *вѣры*.

Ст. 15. Здѣсь представляется основаніе предложеннаго въ предшествующемъ стихѣ увѣщанія, твердо держаться исповданія: *не имамы бо архіерея немогуща спосотрадати немощемъ нашимъ, но искушена по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха*. Апостоль этимъ высказываетъ, что высота этого первосвященника, который прошелъ чрезъ всѣ небеса и есть Сынъ Божій, не можетъ устрашать насъ, держаться вѣры въ него; потому что онъ, хотя и превозвышенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошелъ всѣ слабости и всѣ бѣдствія рода человѣческаго; слѣдовательно, онъ будетъ милостивъ къ намъ (ср. 2, 17. 18). Уже пророкъ Исаія назвалъ Мессію (53, 3) *человѣкомъ знакомымъ съ болѣзнями*. Къ словамъ: *по подобію* нужно присовокупить:

нашему: Онъ испытанъ и искушенъ во всемъ, въ чемъ мы должны быть испытаны и искушены; только Онъ устоялъ въ искушеніяхъ, вышелъ изъ нихъ чистымъ и непорочнымъ (развѣ грѣха—*χωρις ἀμαρτίας*) ср. 7, 26. 2 Кор. 5, 21. Иоан. 3, 5.

Ст. 16. Тагъ какъ Иисусъ Христосъ въ отношеніи къ людямъ первосвященникъ *милосердый* и сострадательный (ср. 2, 17), а въ отношеніи къ Богу *чистый* и непорочный, то мы можемъ и должны приступать съ радостнымъ дерзновеніемъ чрезъ Него къ божественному престолу благодати, чтобы получать оттуда во всякое время благодать и милость: *да приступаемъ убо съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да приимемъ милость, и благодать обрящемъ, во благовременну помощь*. Глаголь *приступать*—*προσερχομαι* часто употребляется въ этомъ посланіи (ср. 7, 25. 10, 1. 22. 11, 16. 12, 18. 22) и соотвѣтствуетъ выраженію »приступать къ Богу *съ жертвою*«. Въ выраженіи *престолъ благодати* заключается, конечно, указаніе на кивотъ завѣта, къ которому, какъ главному мѣсту божественнаго присутствія и откровенія, первосвященникъ, какъ представитель всего народа, приступалъ *однажды въ году*, чтобы очистить жертвою грѣхи всего народа. Христосъ же, какъ вѣчный первосвященникъ, всегда сидитъ одесную этого престола благодати (8, 1. 12, 2) и приносить всегда за насъ свою крестную жертву небесному Отцу. Съ этою же крестною жертвою, которая у насъ совершается въ святѣйшемъ таинствѣ евхаристіи, и мы можемъ и должны чрезъ Него приближаться къ престолу божественной благодати и этимъ во всякое время, когда есть нужда (а когда не бываетъ такой нужды?), искать и обрѣтать благодать и милость.—*Милость*—*ελεος*; относится больше къ прощенію грѣховъ и освобожденію отъ страданій;

благодать же — *χαρις* — къ сообщенію высшихъ благодатныхъ даровъ.

5, 1 и д. Съ самаго начала своего разсужденія о первосвященствѣ Христовомъ, апостоль представляетъ своимъ читателямъ главное понятіе, лежащее въ основаніи всякаго священства. Священникъ, по своей идеѣ, долженъ быть *посредникомъ* между Богомъ и людьми; въ отношеніи къ Богу, онъ долженъ очищать людей отъ грѣховъ, освящать и приносить Богу жертвы людей; въ отношеніи же къ людямъ, онъ долженъ раздавать имъ сообщаемую ему отъ Бога благодать, и такимъ образомъ *освящать* людей. Священникъ составляетъ, такимъ образомъ, живой посредствующій членъ между Богомъ и людьми; онъ есть праведникъ, посредствомъ котораго снизу вверхъ текутъ молитвы и жертвы людскія, а сверху внизъ благодать и дары Божіи. Но будучи такимъ посредствующимъ членомъ, священникъ, съ одной стороны, долженъ находиться въ органической связи съ обществомъ людей, долженъ быть членомъ общества; а съ другой — онъ необходимо долженъ быть выше общества. Ибо, чтобы быть носителемъ и проводникомъ божественной благодати, онъ долженъ быть призванъ и поставленъ отъ самаго Бога. Священникъ не есть произведеніе общества; потому что общество въ произведеніяхъ своихъ не можетъ стать выше себя. Священство также не можетъ быть сообщаемо отъ общества; потому что общество не можетъ дать того, чѣго само не имѣетъ и что сообщаетъ только Богъ. Въ этомъ смыслѣ и говоритъ апостоль: *всякъ бо первосвященникъ, отъ чловѣкъ пріемлемъ, за чловѣки поставляется на службы, яже къ Богу, да приприсити дары же и жертвы о грѣсѣхъ, спострадати могій невѣжествующимъ и заблуждающимъ, понеже и той немощію обложенъ есть, и сего ради долженъ есть якоже о людехъ, такожде и о себѣ приприсити за грѣхи.*

Словомъ *βο* — *γάρ* приведенное здѣсь соединяется съ сказаннымъ въ 15 стихѣ предшествующей главы. Тамъ апостоль сказалъ, что первосвященникъ нашъ, Христосъ, можетъ сострадать намъ, поелику Онъ самъ, какъ человекъ, испыталъ на себѣ всеъ человѣческія бѣдствія. А что Христосъ, чтобы быть нашимъ первосвященникомъ, долженствовалъ быть человекомъ и во всемъ, исключая грѣха, подобнымъ намъ, апостоль выводитъ здѣсь изъ идеи *священства*, какъ выше 2, 14 и д. изъ идеи *посредничества*. Причастіе — *приемлемъ* — *λαμβάνομενος* принадлежитъ не подлежащему: »всякій изъ людей избираемый первосвященникъ«, но есть сказуемое, и, заключая въ себѣ главную мысль, по смыслу, съ послѣдующимъ предложениемъ: »за человекъ поставляется«, должно стоять въ соподчиненіи. По этому справедливо переводятъ нѣкоторые этотъ стихъ такъ: »Ибо всякій первосвященникъ избирается изъ людей, и для людей поставляется«. Апостоль въ этихъ словахъ указываетъ *первое* требованіе отъ законнаго священства: первосвященникъ долженъ быть, съ одной стороны, членомъ человечества, а съ другой стороны, возвышаться надъ человечествомъ, такъ какъ онъ долженъ быть посредникомъ между Богомъ и людьми. — *Яже къ Богу* *τὰ πρὸς τὸν Θεόν* здѣсь значить также, какъ и выше 2, 17: »въ отношеніи къ Богу, по дѣламъ, относящимся къ Богу«. Священникъ долженъ примирять людей съ Богомъ, и такимъ образомъ возстановлять нарушенную грѣхомъ связь человечества съ Богомъ. Это же происходитъ только посредствомъ *жертвы*. Поэтому: *да приносима дары* и проч. *Даръ* — *δῶρον* значить собственно *безкровную*, а слово *жертва* — *θυσία* — *кровавую* жертву. Если мы будемъ принимать здѣсь слово *даръ* въ собственномъ его значеніи, тогда *о грѣсахъ* нужно относить только къ слову *жертвы*, потому что за грѣхи не приносимы были никакія безкровныя жертвы. Но такъ какъ *даръ* — *δῶρον* у LXX употребляетъ

ся въ смыслѣ кровавой жертвы (ср. Быт. 4, 4. Лев. 1, 2. 3. 10), то мы принимаемъ здѣсь лучше всего цѣлое выраженіе *дары же и жертвы* за наименованіе *жертвы вообще*, и—о грѣсныхъ относимъ къ цѣлому предложенію.— *Священство, жертва и жертвы*—соотносительныя понятія. Идея, лежащая въ основаніи этихъ понятій, есть идея *приближенія* къ Богу, *посредничества*. Если бы человѣкъ первоначально не палъ, то не было бы для него нужды ни въ какой внѣшней жертвѣ и ни въ какомъ священникѣ; онъ былъ бы самъ священникомъ и вмѣстѣ жертвою, отдавая Богу каждое мгновеніе своего бытія. Но какъ человѣкъ не захотѣлъ приносить этой самой жертвы Богу, и такимъ образомъ нарушилась связь съ Богомъ, то потребовался *посредникъ*, и именно поставленный Богомъ; чтобы возстановить эту связь, потребовалось *средство* для возстановленія этой связи, и именно установленное Богомъ, чтобы оно примиряло людей и освящало и замѣняло ту *саможертву*, которую человѣкъ послѣ паденія не могъ уже непорочно приносить Богу. И такимъ посредникомъ въ ветхомъ завѣтѣ былъ *первосвященникъ*, такимъ средствомъ для возстановленія связи была установленная Богомъ *жертва*.—

Ст. 2. Слова *спострадати могой*—*испытаніи души моею*; непосредственно соединяются съ предшествующимъ предложеніемъ, служа объясненіемъ словамъ *да приносиши дары*: всякій первосвященникъ поставленъ съ цѣлію приносить жертвы, и тѣмъ пригоднѣе онъ будетъ къ этой цѣли, когда самъ со всѣхъ сторонъ будетъ обложенъ немощію, и будетъ имѣть тогда состраданіе къ слабостямъ другихъ. Апостолъ присовокупляетъ эту черту для того, чтобы тотчасъ примѣнить ее ко Христу (ст. 7), какъ онъ выше указалъ уже на это (2, 17 и д.). Онъ хочетъ этимъ напередъ устранить претыканіе, для нѣкоторыхъ заключающееся въ страданіяхъ и крестной смерти Христовой. Слово *спостра-*

дати — *μετροπάθειν* этимологически значить *παθεῖν μετρίως κατὰ τὸ μέτρον*, страдать умеренно, по мѣрѣ. Это слово образовалось въ философскихъ школахъ, особенно въ перипатетической. Въ противоположность стоической *безстрастности* (*ἀπάθεια*) Аристотель вездѣ рекомендовалъ *умѣренность*, погреч. *μετροπάθεια*. Мудрый, говорилъ онъ, не долженъ быть ни безстрастнымъ (*ἀπάθης*), ни легко поддаваться чувству (*παθητικός*), но долженъ во всемъ держаться середины (быть *μετροπάθης*). Отсюда и слово *μετροπάθειν* употреблялось въ значеніи умеренности всякаго чувства, наприм. гнѣва, печали, гордости, и въ этомъ значеніи оно должно быть принимаемо и здѣсь, такъ что оно значить »умѣрять чувство негодованія«, т. е. оказывать снисхожденіе. Подъ *невѣжествующими* (*ἀγροῦτοις*) и *заблуждающими* (*πλανήμενοι*) нѣкоторые разумѣли вообще грѣшниковъ безотносительно къ тому, грѣшили ли они по *заблужденію* или по *злобу*. Конечно, нужно признать, что на языкѣ св. Писанія *заблужденіе* и *грѣхъ* соотносительныя понятія: въ основаніи всякаго грѣха лежитъ заблужденіе, если и не теорическое, то *практическое*. Другіе толковники думаютъ, что грѣшники называются здѣсь болѣе *мягкимъ* названіемъ »невѣжествующихъ и заблуждающихъ« приспособительно къ слову *снострадати*—»снисходить«, какъ читаемъ въ русскомъ переводѣ, потому что снисходительный понимаетъ грѣхъ съ той его стороны, которая является въ менѣе яркомъ свѣтѣ. Но лучше всего, конечно, принимать здѣсь эти выраженія въ первоначальномъ ихъ значеніи. Ибо, по закону, только тотъ могъ быть очищаемъ жертвою отъ вины и наказанія, кто дѣйствовалъ противъ заповѣди Божіей, хотя и достойно наказанія, но по невѣдѣнію и заблужденію; напротивъ, согрѣшавшіе »дерзкою рукою«, т. е. *умышленно*, наказывались смертію, какъ возмутители противъ Бога (ср. Числ. 15, 22 — 31). Великая жертва о грѣхѣ, которую

первосвященникъ приносить одинъ разъ въ году, касалась именно тѣхъ проступковъ, которые совершаемы были въ теченіи протекшаго года, и не были очищены особенными жертвами, такъ какъ не сознавались ясно, какъ грѣхи, требующіе очищенія. Ср. Лев. 4, 13 и д. гл. 16. и ниже 9, 7, гдѣ Апостоль называетъ эти грѣхи *ἀνομιαι* — *невѣжества*, т. е. грѣхами невѣдѣнія. — *Немоущю обложенъ* (ср. Дѣян. 28, 20) чисто греческая конструкція. Выраженіе это употребляется обыкновенно объ одеждѣ, обхватывающей тѣло. Итакъ: первосвященникъ тѣмъ болѣе можетъ оказать свисхожденія, такъ какъ онъ и самъ со всѣхъ сторонъ обложенъ слабостями, какъ бы одеждою. Съ словами 3-го стиха: *якоже и людехъ* и проч. нужно сравнить Лев. 4, гдѣ постановляется, чтобы въ великій день очищенія первосвященникъ приносилъ тельца сначала за грѣхи свои и своего дома, а потомъ за грѣхи народа. Далѣе ср. Лев. 9, 7. и д. и гл. 16. ниже 7, 27, апостоль снова возвращается къ этому.

Ст. 4. Здѣсь указывается *второе* требованіе отъ законнаго первосвященника: *И никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званый отъ Бога, якоже и Ааронъ*. Слѣдовательно, не достаточно, по словамъ апостола, чтобы первосвященникъ избираемъ былъ изъ людей и поставляемъ для людей, но призваніе и поставленіе его должно происходить также отъ *Бога*. Такъ какъ священникъ долженъ быть носителемъ и раздаятелемъ божественной благодати, то онъ долженъ быть поставленъ отъ Бога, получать свое назначеніе отъ Бога; другими словами: его *священство* должно быть *таинствомъ*. Ибо отъ одного Бога зависитъ только, кого сдѣлать раздаятелемъ Его благодати. — Посему это предложеніе союзомъ *и* соединено съ ст. 1., и соподчинено ему. *Пріемлетъ* составляетъ здѣсь противоположеніе ст. 1. *пріемлемъ*: первосвященникъ *пріемлемъ*, изби-

рается изъ людей, и не самъ по себѣ *пріемлетъ*, т. е. самовольно, это достоинство (ср. Іоан. 3, 27). Выраженіе *честь* — *τιμή* означаетъ не собственно «честь», а «достоинство», и именно здѣсь *первосвященническое* достоинство. Въ словахъ *званный отъ Бога* нужно прибавить изъ предшествующаго: *пріемлетъ честь. Ааронъ* первоначально Самимъ Богомъ поставленъ первосвященникомъ (Исх. 28, 1. 29, 4 и д. Лев. 8, 1. Числ. 3, 10); потомъ, послѣ возстанія Корея и его сообщниковъ, чудеснымъ образомъ подтвержденъ былъ Богомъ въ этомъ достоинствѣ (ср. Числ. 16—18).

Ст. 5 и д. Теперь апостоль примѣняетъ прежде сказанное вообще о первосвященствѣ къ Іисусу Христу. Но такъ какъ онъ уже выше (2, 14 и д.) указалъ, что *первое* требованіе, именно, что первосвященникъ долженъ быть избираемъ изъ людей, т. е. *быть человѣкомъ* (ст. 1), исполнено во Христѣ, то онъ здѣсь тотчасъ переходитъ ко *второму* (ст. 4) требованію, говоря: *такъ и Христосъ не Себе прослави быти первосвященника, но глаголюмый къ нему: «Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя». Якоже и индѣ глаголетъ: «Ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову».* Слово *прославить* *δοξάζειν* часто употребляется, особенно у еванг. Іоанна, когда говорится о *прославленіи* Христа у Отца, начавшемся съ Его воскресеніемъ. Такъ и здѣсь. Но съ прославленіемъ *человѣческой* природы Христа началось вмѣстѣ съ тѣмъ какъ царство его, такъ и первосвященство. Ибо тогда Христосъ съ принесенною имъ крестною жертвою вошелъ въ небесное святилище; и сѣдя одесную истиннаго престола благодати, постоянно приноситъ эту жертву Своему небесному Отцу. Здѣсь, на землѣ въ своей *страждущей* *человѣческой* природѣ, онъ былъ больше *жертвою*, агнцемъ, взявшимъ на себя грѣхи міра и закланнымъ; тамъ же, въ своей *про-*

славленной человеческой природѣ, Онъ есть вѣчный первосвященникъ, ходатайствующій предъ своимъ Отцемъ за свой народъ, за вѣрующихъ; поэтому и употреблено выраженіе *быти первосвященника* *γενεσιως ἀρχιερέω* (ср. 7, 27. 8, 11 и д. 10, 12). Мѣсто: *сынъ Мой еси* и проч. изъ Пс. 2, 7. уже объяснено выше (1, 5). Тамъ показано, что слово *днесь* нужно относить, согласно съ Дѣян. 13, 33., къ періоду прославленія Иисуса Христа. Богъ Отецъ торжественно, предъ всѣмъ міромъ, прославилъ Его воскресеніемъ и поставилъ Его, *Богочеловѣка* Христа, царемъ надъ всѣмъ міромъ.—Ст. 6. *Второе* изрѣченіе заимствовано изъ Пс. 109, 4. Мессіанское значеніе этого псалма уже выше показано (1, 13). Такъ какъ апостолъ ниже, въ гл. 7, самъ объясняетъ богатое содержаніе этого изрѣченія, то мы здѣсь ничего не будемъ о немъ говорить. *По чину*— *κατὰ τὸν τάξιν* соответствуетъ выраженію »по образу«; поэтому ниже—7, 15, употреблено, вмѣсто этого, *по подобію*— *κατὰ τὴν μοῖραν*.

Ст. 7 и д. А что Христосъ не самъ присвоилъ себѣ первосвященство, но получилъ оное отъ Бога,—это подтверждается здѣсь указаніемъ на то, что Онъ во время своей жизни всегда находился въ послушаніи къ Отцу, и этимъ послушаніемъ заслужилъ себѣ свое прославленіе и съ этимъ первосвященство для вѣрующихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь восполняется намѣченное выше 4, 15 и 5, 2.—*Иже во днѣхъ плоти своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти Его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ; и услышанъ бывъ отъ благоговѣнства, аще и Сынъ бже, обаче навиче отъ сихъ, яже пострадала, послушанію; и совершивъ бысть всѣмъ слушающимъ Его виновенъ спасенія вѣчнаго, нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по чину Мелхиседекову.* Главная мысль заключается въ словахъ: *навиче... послушанію* ст. 8., откуда за тѣмъ, какъ *слѣдствіе*, вытекаетъ ст

9. Въ предшествующихъ предложеніяхъ излагается то, что исторически предшествовало этому насыче, и такимъ образомъ только какъ введеніе. Мѣстоименіе *уже* относится къ слову *Христосъ* ст. 5, а «дни Его плоти» означаютъ время земной Его жизни. Апостоль называетъ это время «днями плоти», чтобы указать этимъ выраженіемъ на *важность и дѣйствительность* страданій Христовыхъ. Кроме того, это опредѣленіе времени относится къ главному предложенію *навыче... послушанію*, а не къ частіямъ *принесъ и услышанъ*. Слово *ἐκτενρία*, переведенное въ нашемъ текстѣ-молитва, съ предполагаемымъ дополненіемъ *ἐλξια* или *ρὰρδος* означаетъ собственно *масличную вѣтвь*, которую держать въ рукѣхъ просящій защиты и помощи (*ἐκτενρία*): чтобы дать замѣтить въ себѣ просителя; а потомъ вообще значить «смиренную просьбу». *Моленія и молитвы* понимаются здѣсь въ смыслѣ *жертвы*, которую Христосъ принесъ своему небесному Отцу, и принесъ при томъ, сказано, *съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами*. Нѣкоторые относятъ эти слова къ воплю Христа на крестѣ: *Боже, Боже Мой, вскую Мя оставилъ еси*, и: въ рукѣ Твои предаю духъ Мой (Матѳ. 27, 46). Но, какъ видно изъ словъ *къ могущему спасти Его*, этимъ апостоль хочетъ указать на молитву и подвигъ Христа въ Геѳсиманіи, гдѣ Христосъ сказалъ: *Авва, Отче! все возможно Тебѣ*, и троекратно молился, чтобы чаша страданій прошла мимо Него (Мар. 14. 36. Матѳ. 26, 36 и д). Правда, евангелисты не упоминаютъ о *слезахъ*, но мы можемъ справедливо предполагать, что Спаситель нашъ, плававшій при другихъ случаяхъ, наприм. при смерти Лазаря, проливалъ слезы и здѣсь среди самыхъ горькихъ душевныхъ страданій, когда божественная въ Немъ природа представила человѣческой полную борьбу. Въ евангеліи Матѳея (26, 37) говорится: *начатъ скорбѣти и тужити*. Само собою понятенъ *крѣпкій вопль* при такомъ сильномъ ду-

шевромъ потрясеніи; у Господа Іисуса такой вопль возможенъ былъ въ то время, когда Онъ *паде на лице свое моляся*. Не невѣроятно также, какъ думаютъ нѣкоторые, что апостолу при этомъ предносились слова Псалма 21, 25: *егда воззвахъ къ Нему, услыша мя*. Эти моленія и молитвы, какъ видно изъ словъ: *спасти Его отъ смерти*, были объ освобожденіи Его отъ смерти. Но какъ же можно было тотчасъ сказать, что Христось былъ *услышанъ*? Развѣ Онъ остался свободнымъ отъ смерти? Отвѣтъ на это заключается въ выраженіи *ἐκ θανάτου*, котораго не нужно смѣшивать съ выраженіемъ *ἔκ θανάτου*. Молитва Христа, чтобы прошла мимо Него чаша страданій, не исполнилась въ томъ смыслѣ, чтобы Онъ избавленъ былъ отъ смерти, исполнилась же въ томъ смыслѣ, что воскресеніемъ избавленъ былъ *изъ смерти*, что, слѣдовательно, смерть дѣйствительно коснулась Его только мимоходомъ (ср. Дѣян. 2, 24). Выраженіе *отъ благоговѣнія* *ἐκ τῆς εὐλαβείας* значитъ — «за благоговѣніе», *pro sua reverentia*, какъ переводится въ Вульгатѣ. Христось былъ услышанъ небеснымъ Отцемъ «за свое благоговѣніе», т. е. за свою смиренную преданность волѣ своего небеснаго Отца, Которому онъ молился: «Отче, да будетъ не Моя воля, но Твоя». — Ст. 8. Въ словахъ: *аще и Сынъ бже* выражается та достойная удивленія мысль, что Христось, хотя и *Сынъ Божій*, долженствовалъ *научиться* и притомъ посредствомъ страданій. Но какъ же о Христѣ можно сказать, что онъ *научился* послушанію, такъ какъ Онъ, и какъ человѣкъ, зналъ все, что можетъ знать какое бы то ни было твореніе? Отвѣтъ заключается въ словахъ: *отъ сихъ яже пострадалъ*: въ своихъ страданіяхъ Христось *практически* совершилъ послушаніе, такъ сказать, до конца прошелъ *школу* послушанія. *Навыче*—*ἐμαθες* нужно понимать здѣсь не въ томъ значеніи, чтобы «усвоить себѣ что нибудь новое», а въ смыслѣ: «посредствомъ практическаго

упражнения глубже напечатлѣть извѣстное уже.—Ст. 9 и д. Этотъ стихъ заключаетъ въ себѣ *смыслъ* содержащагося въ предыдущемъ главномъ предложеніи. Своимъ послушаніемъ Христосъ и по своей *человѣческой* природѣ *совершившись* (*τελειωθεις*), какъ челоѣкъ, пришелъ къ своей цѣли (*τελος*), своему совершенству, для котораго челоѣкъ первоначально вообще созданъ былъ Богомъ (ср. 2, 10). Совершившись, такимъ образомъ, Христосъ сдѣлался для насъ виновникомъ (*αιτιος*) ср. выше. 2, 10: *ἄρχηγός της σωτηρίας (ἡμῶν)* нашего спасенія.—Въ ст. 10 апостоль снова возвращается къ приведенному изъ псалма тексту. Христосъ, совершившись въ страданіяхъ чрезъ послушаніе, сдѣлался виновникомъ спасенія для всѣхъ вѣрующихъ въ Него, и поэтому еще въ ветхомъ заѣтѣ предвозвѣщенъ отъ Бога какъ *первосвященникъ*, и именно какъ *первосвященникъ* по чину Мелхиседекову.

X. О.

РАЗЪЯСНЕНІЕ НЕДОУМЪНІЙ, ЗАЯВЛЕННЫХЪ РЕДАКЦІИ.

6) »Обращаясь къ предстоящимъ, и преподавая »миръ всѣмъ,« одни священники благословляютъ при семъ рукою, другіе ограничиваются только поклономъ. Недоразумѣвающій принадлежитъ къ числу послѣднихъ, и потому, что такъ дѣйствовать наученъ первоначально, и потому, что старался наблюдать и видѣлъ въ большинствѣ пастырей (своей мѣстности) такой образъ служенія; употребляемое же первыми благословеніе въ указанномъ случаѣ, по мнѣнію недоумѣвающего, есть дѣло произвольное, не имѣющее основанія».

Высказавъ свое недоразумѣніе и показавъ образъ своего дѣйствованія въ семъ случаѣ, недоразумѣвающій приводитъ и основанія такому образу своего дѣйствованія. »Раскроемъ, говорить онъ, евангеліе. *Иисусъ ста посредь* ученикъ своихъ, *и глагола имъ: миръ вамъ* (Лук. 24, 36). Здѣсь не

сказано, чтобы Иисусъ Христосъ съ привѣтствіемъ своимъ ученикамъ соединялъ благословеніе. И ученикамъ своимъ заповѣдалъ Онъ, глаголя: *входяще въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему* (Матѳ. 10, 12). Здѣсь также не видно, чтобы къ привѣтствію, какое дѣлать повелѣлъ Иисусъ Христосъ ученикамъ при входѣ въ домъ, нужно было присоединять еще благословеніе. Между тѣмъ Господь *изведъ учениковъ своихъ до Виваніи: и воздвижъ руку свои и благослови ихъ. И бысть егда благословляше ихъ, отступи тѣхъ нихъ, и возношашеся на небо* (Лук. 24, 50—51.) Здѣсь говорится единственно о благословеніи учениковъ Иисусомъ Христомъ; но какія были произнесены при этомъ слова, и было ли что говорено, изъ текста не видно.

Изъ сличенія приведенныхъ мѣстъ, также изъ словъ: *примъ пять хлѣбъ и обѣ рыбъ, воззрѣвъ на небо, и благослови ихъ, и преломи* (Марк. 6, 4), и еще: *пріемъ Иисусъ хлѣбъ и благословивъ, преломи* (Матѳ. 26, 26), можемъ заключать, что благословеніе было дѣйствіе отдѣльное и высшее, нежели привѣтствіе: «миръ вамъ», что благословеніе Иисуса Христа имѣло силу освящающую и чудодѣйствующую, чего нельзя сказать о преподаніи мира, хотя и обѣщано апостоламъ, что съ преподаніемъ мира извѣстному дому, смотря по его достоинству, или почіетъ на немъ миръ ихъ, или къ нимъ возвратится. Слѣдуя примѣру Иисуса Христа и апостоловъ, и современные намъ пастыри, входя въ домъ, привѣтствуютъ живущихъ въ немъ словами «миръ вамъ, миръ дому сему», что равносильно и замѣняется нерѣдко словами: «здравствуйте, добраго желаю вамъ здоровья» и подобными благожеланіями. При общемъ привѣтствіи всѣхъ домохозяевъ и домочадцевъ, не преподаетъ имъ, однако, пастырь и общее благословеніе, но желающіе оное получить подходятъ каждый поодиначкѣ; иногда получаютъ благословеніе всѣ члены семейства до одного, иногда

же только нѣкоторые; а иногда и никто не изъявляет желанія подойти къ благословенію, между тѣмъ привѣтствіе, сказанное вначалѣ священникомъ, относится ко всѣмъ вообще, независимо отъ того, получаетъ ли кто благословеніе, или нѣтъ. Очевидно, что привѣтствіе и благословеніе—два дѣйствія, совершенно различныя, и сливать ихъ въ одно нѣтъ нужды.

Обратимся ли къ служебнику, требнику и вообще къ богослужебнымъ книгамъ, видимъ только слова: *іерей или священникъ: миръ всѣмъ*, но никакого намека не находимъ на то, чтобы при этомъ нужно было благословлять предстоящихъ. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ повелѣвается благословлять. Такъ на литургіи, предъ началомъ оной, священникъ знаменуя діакона, глаголетъ: *благословенъ Богъ нашъ....; благословляетъ святой входъ; благословляя время трисвятаго, назнаменуетъ діакона; знаменуетъ его предъ чтеніемъ евангелія; благословляетъ хлѣбъ и вино, моля Господа о пресуществленіи ихъ въ честное тѣло Христово и честную кровь Христову; благословляетъ также теплоту; еще священникъ благословляетъ люди, приглашая возгласно: спаси Боже люди твоя, и благослови достояніе твое. Не говорится, правда, въ служебникѣ, что должно благословлять народъ при произнесеніи словъ на литургіи: *благодать Господа нашего Иисуса Христа....., и да будутъ милости....., благословеніе Господне на васъ того благодатию.....*. Но благословеніе, при этихъ словахъ преподаваемое, есть обычай, повидимому, общій и повсемѣстный; касательно же благословенія, при произнесеніи словъ: »миръ всѣмъ«, указанія мы не нашли ни въ какихъ объясненіяхъ обрядовъ церковныхъ, сколько намъ пришлось читать такихъ сочиненій«.*

Мы согласны, что въ Типиконѣ и служебникѣ не ска-

зано, что возгласъ »миръ всѣмъ« долженъ сопровождаться благословеніемъ, совершаемымъ рукою. Но, если обратимъ вниманіе на смыслъ выраженія »миръ всѣмъ«, то увидимъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сей возгласъ долженъ сопровождаться благословеніемъ, а въ другихъ нѣтъ.

Выраженіе »миръ всѣмъ«, которое ведетъ свое начало въ Церкви Христовой, при общественномъ богослуженіи, отъ примѣра самаго Спасителя, привѣтствовавшего сими словами своихъ учениковъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ (Іоан. 20, 19. 21 и 26), имѣетъ два различныя значенія. Такъ, входя въ внутренній смыслъ церковнаго богослуженія, можно замѣтить, что иногда это выраженіе, или этотъ возгласъ служитъ только *напоминаніемъ* о томъ, что присутствующіе во храмѣ *должны сохранять особенную тишину*, оставивъ свои внутреннія и виѣшнія молитвы, и сосредоточить все вниманіе на то, что предстоитъ имъ выслушать въ предстоящемъ чтеніи или священнодѣйствіи. Въ другихъ же случаяхъ какъ общеннаго, такъ и частнаго богослуженія возгласъ священника »миръ всѣмъ« имѣетъ другое значеніе,—именно: симъ означается *раздаваніе особенныхъ благодѣлій*, изліянныхъ на родъ человѣческой съ пришествіемъ Христа Спасителя міра (1).

Сообразно такому пониманію сего священнодѣйствія, уважемъ, когда съ произнесеніемъ »миръ всѣмъ« должно быть совершаемо и самое благословеніе рукою.

Такъ, въ пособіи къ изученію устава Богослуженія Православной Церкви (2), между прочимъ, читаемъ слѣдующее: послѣ »Свѣте тихій« діаконъ приглашаетъ предсто-

1) См. Нов. Скриж. изд. 1838 г. часть 2 стр. 137-138, а также Истор., догм. и таинств. изъясн. на Лит. Дмитр. ч. II, гл. VI. стр. 69 наобор.

2) Стр. 183 и 184.

ящихъ къ благоговѣйному слушанію прокимна, произнося »вонмемъ«. Іерей *преподаетъ* »миръ всѣмъ«. Діаконъ какъ бы водворяетъ тишину, говоря: »премудрость, вонмемъ«. Чтець, сотворивъ поклонъ, стоя среди храма, сказываетъ прокименъ, и пѣвцы поютъ стихи. Чтець же имѣетъ согбеннѣ руки при персяхъ (Типик. гл. 2), выражая тѣмъ благоговѣніе къ тому, что будетъ читать. При чтеніи прокимна, который на вечерни возвѣщаетъ о Христѣ Спасителѣ, священникъ, носящій образъ Христа и вселяющій къ Нему въ предстоящихъ благоговѣніе, обращается лицомъ къ западу, то есть къ народу, согбеннѣ имѣяй руцѣ, стоитъ ожидая исполненія прокимна. Этимъ священникъ изображаетъ, что Господь, пришедшій на землю и потомъ вознесшійся на небеса, взираетъ на вѣрующихъ, на ихъ дѣла и есть съ ними до скончанія вѣка (Служеб. послѣд. вечерни и Нов. Скр. ч II. гл. 1, § 23). И такъ, священникъ *преподаетъ* въ семъ случаѣ благословеніе (благословляетъ) и благословляетъ въ образъ того, что Спаситель преподалъ благословеніе своимъ ученикамъ, возносясь отъ земли на небо.

Далѣе ¹⁾ читаемъ: за ектеніею »исполнимъ вечернюю молитву«, послѣ возгласа, священникъ *преподаетъ* »миръ всѣмъ«. Такъ бываетъ и на литургіи послѣ этой ектеніи. Священникъ, такимъ образомъ, привѣтствуетъ стоящихъ въ храмѣ тѣмъ благомъ, котораго они испрашивали у Господа въ ектеніи (вечера *мирна*, Ангела *мирна*, *мира* мірови, прочее время живота нашего въ *миръ* и покаяніи скончати, христіанскія кончины живота нашего *мирны*-просимъ). Служитель Церкви *преподаетъ* даръ сей, по заповѣди Господа, Который оставилъ намъ *миръ* Свой (Іоан. 14, 27) и по-

велѣлъ привѣтствовать миромъ всѣхъ ищущихъ мира и счастья во Христѣ.

За тѣмъ, на стр. 354, сказано: послѣ пѣнія »Трисвятаго« вѣрующіе готовятъ ся къ слушанію св. Писанія, и во первыхъ, Апостола. Діаконъ говоритъ »вонмемъ«, т. е. будемъ внимательны къ наступающему чтенію и пѣнію, къ прокимну предъ Апостоломъ. Священникъ *говоритъ* народу: »миръ всѣмъ«, чтець отвѣтствуетъ ему отъ лица всѣхъ: »и духови твоему« и. т. д. Тоже самое сказано и о чтеніи Евангелія. Священникъ, обратясь къ народу, говоритъ: »Премудрость, прости, услышимъ святаго Евангелія« потомъ: »миръ всѣмъ«..... (стр. 359). Слѣдовательно, въ семь случаѣвъ возгласъ: »миръ всѣмъ« служитъ только возбужденіемъ вниманія къ тому, что будетъ читано.

За просительною ектеніею, во время литургіи, слѣдуетъ опять возгласъ »миръ всѣмъ«. При архіерейскомъ служеніи, архіерей, съ произнесеніемъ »миръ всѣмъ«, благословляетъ обѣими руками (Чинovní.).

По прочтеніи молитвы Господней и послѣ возгласа: »яко Твое есть царство«..... священникъ говоритъ: »миръ всѣмъ«. При архіерейскомъ служеніи, сказано въ Чинovníкѣ, архіерей при семъ осѣняетъ обѣими руками, крестовидно.

Такимъ образомъ, какъ изъ понятія о семъ возгласѣ: »миръ всѣмъ«, такъ изъ указанія архіерейскаго Чинovníка видно, что возгласъ сей въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождается благословеніемъ, а въ другихъ случаяхъ онъ служитъ только средствомъ къ возбужденію вниманія въ присутствующихъ во храмѣ къ тому, что имѣетъ быть читано или совершаемо. А потому нельзя сказать, что преподаваніе благословенія при возгласѣ: »миръ всѣмъ« есть нѣчто произвольное, не имѣющее основанія. Если авторъ вышеприведенныхъ строкъ и говоритъ, что онъ былъ обученъ такому дѣйствованію первоначально, то эти слова его мы

понимаемъ такъ, что онъ, по всей вѣроятности, обучаемъ былъ священнодѣйствию при архіерейскомъ домѣ, быть можетъ въ присутствіи самаго архіерея. Въ такомъ случаѣ, онъ не имѣлъ права благословлять народъ, чему и былъ наученъ.

Прот. І. Г.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ МИНУВШЕМЪ ГОДУ ¹⁾.

2. Педагогическій Сборникъ ²⁾.

Этотъ журналъ издается съ 1864 года и неизмѣнно ведетъ дѣло согласно съ своею программю, въ составъ которой входятъ: I. *Часть оффиціальная*, гдѣ печатаются приказы и распоряженія Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, извлеченія изъ свѣденій, получаемыхъ Главнымъ Управленіемъ отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему военно-учебныхъ заведеній, какъ по воспитательной, такъ и по учебной частямъ; протоколы педагогическаго комитета и частныхъ педагогическихъ совѣщаній всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. II. *Часть неоффиціальная*, въ которой печатаются: отчеты и наблюденія лицъ, возвратившихся изъ за границы и посѣщавшихъ тамъ какія либо учебныя заведенія; педагогическія и дидактическія статьи; образцовые уроки по предметамъ, входящимъ въ курсъ военно-

1) См. № 3-й.

2) Издается при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, подъ редакцію одного изъ прежнихъ редакторовъ журнала «Учитель»—въ его цвѣтущую пору, именно г. Н. Весселя. Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книжекъ, съ перес. 5 р. с. Подписка принимается въ редакціи «Педагогическаго Сборника» (на углу торговой и малой мастерской въ домѣ Гейденрейха—въ Спб.).

учебныхъ заведеній; переводы цѣлыхъ сочиненій о воспитаніи или выдержки изъ нихъ по отдѣламъ; сообщеніе свѣдѣній о состояніи военныхъ и общеобразовательныхъ училищъ за границей; библиографическій отдѣлъ: гдѣ критически разсматриваются важнѣйшія педагогическія и дидактическія сочиненія, какъ отечественныя, такъ и иностранныя, разбираются—учебныя руководства и всѣ выходящія книги педагогическаго или дидактическаго содержанія, и спеціальныя сочиненія по военнымъ наукамъ. Такой составъ программы ясно говоритъ, что педагогическій сборникъ имѣетъ частную задачу служить официальнымъ органомъ для военно-учебныхъ заведеній и для нихъ же по преимуществу предлагать изслѣдованія, разъясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ относительно воспитанія и обученія. Самая задача изданія и точное выполненіе ея прямо говорятъ, что оно не можетъ имѣть особеннаго интереса для сельскихъ пастырей. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы въ разсматриваемый журналъ совсѣмъ не входили педагогическія статьи, имѣющія интересъ не для военно-учебныхъ заведеній только, но и для всякаго русскаго педагога. Имѣя въ виду эти-то статьи, мы и рѣшились обозрѣть *Педагогическій сборникъ* наряду съ другими педагогическими журналами.

Такихъ статей въ *Педагогическомъ Сборникѣ*, за минувшій годъ, сравнительно съ прежними—не много, а такихъ, которыя бы могли имѣть интересъ для сельскихъ пастырей и какое нибудь приложеніе къ дѣлу, въ нихъ воспитательной и учебной практикѣ—еще меньше. Болѣе или менѣе полезными для нихъ могутъ быть слѣдующія статьи:

1) *Подготовительная школа въ Воронежѣ* 1). Въ

1) Статья эта напечатана въ февральской, мартовской и майской книжкахъ.

этой статьѣ, безъ всякихъ прикрасъ, съ полною откровенностію описываются открытіе, устройство и состояніе такой начальной школы, какой у насъ еще не было доселѣ, и которая, между тѣмъ, составляетъ основу всего дальнѣйшаго правильнаго ученія и воспитанія. Для сельскихъ пастырей есть въ этой статьѣ особенный интересъ, — такъ какъ они всего болѣе нуждаются въ подобной же школѣ для своихъ дѣтей, прежде опредѣленія ихъ въ духовное училище или же въ гимназію. Извѣстно, что самому сельскому священнику, при многосложныхъ и трудныхъ его обязанностяхъ, приготовить своихъ дѣтей къ поступленію въ учебное заведеніе надлежащимъ образомъ очень не легко; — нанимать особаго учителя, при ограниченности, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже скудости, средствъ, не возможно; везти въ городъ дитя и тамъ поручить его кому либо изъ воспитанниковъ средне-учебнаго заведенія, не надежно и малоуспѣшно, — такъ какъ дитя въ ту пору, когда воспитанникъ въ классѣ, остается безъ всякаго надзора и руководительства. Что дѣлать? по нашему мнѣнію, всего вѣрнѣе и надежнѣе, въ центрѣ опредѣленной мѣстности, открыть такую школу, гдѣ бы по извѣстной программѣ, подъ непосредственнымъ и постояннымъ надзоромъ кого либо изъ самихъ священниковъ, училъ дѣтей надежный учитель, избранный самими родителями изъ окончившихъ курсъ семинаріи, не занимающій ни какой должности или же состоящій въ должности псаломщика. Наемъ дома, вознагражденіе учителя не особенно обременительны для цѣлаго округа, во всякомъ случаѣ гораздо выгоднѣе чѣмъ — или наемъ каждому особаго учителя, или отправка дитяти въ городъ и содержаніе его тамъ; рекомендуемый нами способъ подготовленія дѣтей въ какое либо изъ заведеній имѣетъ и другія очень важныя выгоды или возможность для родителей, особенно матерей, часто видѣть своихъ

дѣтей и наблюдать за тѣмъ, какъ идетъ воспитаніе и обученіе ихъ, возможность ближайшаго контроля кого либо изъ болѣе опытныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ священниковъ за ходомъ обученія въ школѣ. Дѣло подъ руками, и, безъ особенныхъ усилій и большихъ матеріальныхъ затратъ, можно вести его разумно и съ пользою для дѣтей. Не безвѣстно намъ, какъ часто не довольны бываютъ учебныя заведенія тою домашнею подготовкою дѣтей, съ какою являются они въ заведенія. Они не разъ заявляли, что лучше, если бы дѣти поступали совсѣмъ не подготовленными, что имъ приходится тратить много времени на переучиванье, хлопотать о томъ, чтобы дѣти забыли все выученное ими до поступления въ училище; такъ какъ прежнее домашнее ученіе часто положительно мѣшаетъ дѣлу, парализуетъ, задерживаетъ правильный ходъ школьнаго ученія. Дѣти, привыкшія къ механическому чтенію, медленно пріучаются сознательно относиться къ читаемому; не имѣя любознательности, не сознавая потребности понимать читаемое, они не хотятъ и не умѣютъ предлагать вопросовъ, и учителю приходится угадывать, гдѣ необходимо объясненіе, заохачивать и пріучать къ сознательному чтенію. Дѣти, пріученные къ зубренію грамматики, долго не могутъ сладить съ сознательными выводами изъ наблюденій надъ языкомъ, потому что мысль ихъ подавляется зазубренными опредѣленіями и правилами; и потому отстаютъ отъ товарищей не зубрившихъ грамматики, но привыкшихъ наблюдать и думать. Дѣти, которыхъ занимали дома механическимъ счисленіемъ по всѣмъ правиламъ ариѳметики, долго не могутъ отрѣшиться отъ условныхъ внѣшнихъ пріемовъ и медленно втягиваются въ разумное ея изученіе, основанное на самостоятельномъ мышленіи и сознательномъ отношеніи къ числу. Устранить подобныя грустныя явленія возможно только тогда, когда первоначальное обученіе дѣтей будетъ раз-

умно и согласно съ современными дидактическими правилами. Какова же должна быть та подготовительная школа, которая, служа облегченіемъ для родителей, въ тоже время удовлетворяла бы и тѣмъ-заведеніямъ, куда опредѣляются дѣти, т. е. подготавливала бы ихъ разумно. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ разсматриваемая статья. Вотъ ея сущность.

Обыкновенно приготовленіе дѣтей къ школѣ имѣетъ ту цѣль, чтобы они здали приемный экзамень, по данной программѣ. Вслѣдствіе этого все дѣло приготовленія сводится на механическую выучку уроковъ. Но періодъ этой выучки оказывается самымъ бесплоднымъ временемъ для развитія ребенка, въ существѣ дѣла гораздо болѣе бесплоднымъ, нежели предшествовавшій ему періодъ, когда ребенокъ, по ходячимъ возрѣніямъ, не учился, а только *баловался*, т. е. игралъ, играя, онъ такъ или иначе, правильно или нѣтъ (смотря потому, какого рода были игры), все таки развивался и развивался всесторонне; а механическое книжное ученіе, представляя слишкомъ рѣзкій и насильственный переходъ отъ игры къ ученію, и не соотвѣтствуя развитію силъ, можетъ только задержать естественный ходъ развитія, даже возбудить отвращеніе къ книгѣ, что и бываетъ нерѣдко. Правилами здоровой педагогики требуется, чтобы приготовленіе дѣтей къ школѣ имѣло въ виду не только приемный экзамень учебнаго заведенія, не только программу этого экзамена, но правильное всестороннее развитіе ребенка, которое бы служило продолженіемъ того развитія, какое раньше, въ періодъ перваго дѣтства, совершалось въ игрѣ и посредствомъ игры. Основная цѣль воспитанія остается та же, т. е. всестороннее развитіе, но средства измѣняются. Сообразно съ развитіемъ силъ дитяти, къ игрѣ присоединяются, отнюдь не вытѣсняя ее, занятія болѣе серьезныя, въ извѣстной послѣдовательности, такъ что каждое изъ

нихъ, одно послѣ другаго, по силамъ ребенку, слѣдовательно только возбуждаетъ его къ труду, къ дѣятельности, а не тяготитъ и не отталкиваетъ. Такимъ образомъ выходитъ, что сдача приемнаго экзамена есть только частная цѣль, которая достигается гораздо легче, если не забыта цѣль главная, основная, т. е. постепенное, всестороннее развитіе природныхъ силъ ребенка. Подготовительная школа по-этому должна—съ одной стороны—способствовать развитію и укрѣпленію членовъ и внѣшнихъ чувствъ, предлагая дѣтямъ такія занятія, которыя могли бы правильно упражнять тѣ и другія, сообразно съ возрастомъ и состояніемъ дѣтскихъ силъ; съ другой стороны,—чтобы приступить къ толковому книжному чтенію, она должна обратить особенное вниманіе на развитіе наблюдательности, способности представленія и обобщенія, а также слова, устной рѣчи, и потомъ уже приступить къ книжному ученію, началомъ котораго полагается обученіе чтенію и письму.

Сообразно съ этою цѣлью, въ составъ программы подготовительной школы входятъ слѣдующіе предметы: а) объясненіе и заучиваніе молитвъ при помощи хороваго повторенія и пѣнія; рассказы изъ священной исторіи, при помощи рисунковъ; б) предметные уроки (наглядное обученіе), для развитія наблюдательности, мышленія и живаго слова, по Песталоцци и Дистервегу; в) обученіе письму и чтенію совместно, по звуковому способу, примененному къ русскому языку; объяснительное чтеніе; г) наглядная ариметика: изученіе чиселъ отъ 1-100 по Груббе; д) рисованіе и черченіе по Фребелю ¹⁾. Кромѣ этого, совѣтуются—какъ дѣло ис-

1) Нужно замѣтить, что подготовительная школа въ Воронежѣ состоитъ изъ двухъ отдѣленій—*младшаго*, въ которое поступаютъ дѣти, не умѣющіе читать, и *старшаго*. Въ томъ и другомъ предметы преподаванія различны. Мы указали собствен-

тинно полезное при воспитаніи—а) гимнастическія игры и занятія, иногда сопровождаемыя пѣніемъ, способствующія развитію членовъ и внѣшнихъ чувствъ, ежедневно, между сидячими занятіями, въ хорошую погоду они могутъ быть замѣняемы прогулками; б) хоровое пѣніе-духовное и свѣтское.

Для достиженія указанной цѣли требуется еще, чтобы методы преподаванія были *наводящіе*, разговорные и наглядные, отнюдь не *излагательные*, исключая закона Божія, чтобы характеръ занятій былъ семейный, какъ наиболѣе соответствующій возрасту учениковъ; балловъ, уроковъ на домъ, наказаній и наградъ не полагается, такъ какъ любовь къ труду и порядку должна развиваться въ дѣтяхъ сознательно, безъ насилія и поощренія. Для поддержанія въ школѣ семейнаго характера, признается за лучшее поручать обученіе въ ней преимущественно *женщинамъ*.

Возможно ли устроить такую подготовительную школу и будетъ ли она, по вышесказанной программѣ, удовлетворительно готовить къ поступленію въ духовное училище или же гимназію?

Возможно и она будетъ удовлетворительна. Возможно, — такъ какъ помѣщеніе для школы, благоразумный и опытный распорядитель его изъ окружныхъ священниковъ, способный учитель изъ окончившихъ курсъ семинаріи, наконецъ — и способная учительница изъ окончившихъ шестилѣтній курсъ училищный, всегда найдутся; съ лучшими общепотребительными способами школьнаго обученія теперь знакомятся и теоретически и практически въ воскресной школѣ, не только воспитанники семинаріи, но по мѣ-

но на предметы преподаванія въ младшемъ отдѣленіи, думая, что знаніе этихъ предметовъ достаточно для дѣтей, поступающихъ въ первый классъ духовнаго училища.

стамъ и воспитанницы духовныхъ училищъ; приобрѣтеніе нужныхъ и общеупотребительныхъ въ послѣднее время руководственныхъ пособій, въ родѣ напримѣръ »Роднаго Слова« А. Ушинскаго, »Наглядное ученіе« по Песталоцци или Дистервегу и т. п., не такъ дорого. Въ теченіи двухъ—трехъ лѣтъ (отъ 7—10) обученные въ такой школѣ въ состояніи поступать не только въ первый, но и во второй классъ духовнаго училища; такъ какъ по уставу духовныхъ училищъ, требуются отъ поступающихъ въ первый классъ, чтобы они умѣли читать и писать по русски, читать по славянски, знали общеупотребительныя молитвы, начатки христіанскаго ученія и первыя два дѣйствія ариѳметики, съ таблицею умноженія. Если нѣсколько расширить вышеуказанную нами программу, то можно быть вполне увѣреннымъ, что дѣти, обученныя по ней, могутъ поступать во второй классъ.

Если только мысль наша о подготовительной школѣ, по образцу воронежской, будетъ принята кѣмъ либо не безъ сочувствія и если кто рѣшится устроить такое училище, то мы, съ своей стороны, не замедлимъ указать то, какое должно быть внѣшнее устройство школы, какъ распределить занятія и уроки въ теченіи учебнаго дня, въ чемъ должны состоять занятія по всеѣмъ предметамъ обученія и т. п.

2) *О чтеніи воспитанниковъ* ¹⁾. Въ этой статьѣ интересно для нашихъ читателей рѣшеніе вопроса: слѣдуетъ ли давать дѣтямъ читать вообще вымышленные, но правдоподобные, рассказы, и въ частности *сказки* — вымыслы не правдоподобные, часто искажающіе дѣйствительность? Мы знаемъ, съ какою охотою дѣти слушаютъ сказки и

1) Статья эта напечатана въ книжкахъ сентябрьской и октябрьской.

читаютъ ихъ, какъ только мало-мальски выучатся читать; дозволяютъ ли имъ это или не дозволяютъ?

Авторъ названной статьи убѣдительно доказываетъ, что чтеніе какъ вымышленныхъ рассказовъ, такъ и сказокъ для дѣтей не только не вредно, но и необходимо.

Обыкновенно противники всякихъ вымысловъ для дѣтскаго чтенія говорятъ, что только въ разсказѣ изъ дѣйствительной жизни, дѣти встрѣчаютъ факты, достойные запоминанія, усвоенія и которые не обременяютъ памяти, не извращаютъ понятій и представленій ребенка о ви́шнемъ мірѣ, а проясняютъ ихъ; наоборотъ, все, что дается въ вымыслѣ въ этомъ отношеніи, не только не можетъ дополнить запаса свѣдѣній о ви́шнемъ мірѣ, но засоряетъ дѣтскія головы не пужнымъ, а часто и вреднымъ матеріаломъ.

Въ опроверженіе этихъ возраженій авторъ статьи говоритъ: »Всякій рядъ воспріятій, относимый сознаниемъ къ какой нибудь причинѣ, есть фактъ. Если составъ и складъ ряда воспріятій опредѣляется самымъ ходомъ событій ви́шняго міра, то это фактъ первоначальный, фактъ дѣйствительности. Знаніе такого факта вообще цѣнно, потому что оно дополняетъ запасъ фактовъ изъ ви́шняго міра, который служитъ матеріаломъ для всѣхъ работъ человѣческаго сознанія. Если же такой рядъ воспріятій сложился подъ влияніемъ работы воображенія и разсудочнаго процесса человѣка-автора, тогда уже это представленіе, сужденіе, умозаключеніе утрачиваетъ значеніе факта дѣйствительности, и знаніе его можетъ быть цѣннымъ только при условіи доброкачественности работы сознанія. Поэтому факты, встрѣчающіеся въ вымыслѣ, могутъ быть цѣнны, а могутъ и дѣйствительно только засорять память. Напримѣръ — лисица въ басни Крылова (Лисица и Ворона) фактъ не менѣе цѣнный, чѣмъ свѣденіе о томъ, что таже

Прибавл. къ № 6-му.

лисица, описанная въ учебникѣ зоологіи, съ четырьмя ногами, двумя ушами, острой мордой и проч. Черты дѣйствительности, служащія цѣннымъ матеріаломъ для будущихъ образовательныхъ работъ сознанія, находятся въ обоихъ фактахъ. Хитрость лисицы, ея пушистый хвостъ, умишко; все это есть и въ басни. Разница между лисицею въ басни и лисицею въ зоологіи та, что признаки животного въ первомъ случаѣ сложились и расположились подъ доброкачественнымъ вліяніемъ работы воображенія автора, а во второмъ подъ вліяніемъ какой нибудь научной классификаціи или же случайно опредѣленные послѣдовательностію впечатлѣній описывающаго. Такимъ образомъ, по совершенно вѣрнымъ понятіямъ автора, выходитъ, что если при чтеніи преслѣдовать одно только сообщеніе свѣдѣній, то и тогда оказывается рѣшительно неосновательнымъ требованіе, чтобы все, что дается дѣтямъ для чтенія, было точнымъ описаніемъ дѣйствительности. Ребенокъ въ такой же степени нуждается въ фактахъ дѣйствительности, какъ и въ фактахъ, сложившихся подъ вліяніемъ работы сознанія талантливыхъ писателей и педагоговъ. Факты, переработанные сознаніемъ, имѣютъ даже преимущество предъ фактами дѣйствительности въ томъ отношеніи, что они легче и охотнѣе запоминаются и усвояются. Самыя цѣнныя свѣдѣнія, изложенныя въ недоступной и неудобно запоминаемой формѣ, теряютъ все свое воспитательное значеніе. Авторъ обращаетъ еще вниманіе на то, что приобрѣтеніе цѣнныхъ свѣдѣній есть только одна изъ цѣлей чтенія дѣтей, и что не меньшее значеніе имѣютъ въ этомъ занятіи и развитіе интереса и любви къ чтенію, возбужденіе чувствъ, мыслей и желаній. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что вымышленные рассказы совершенно умѣстны въ ряду книгъ полезныхъ для дѣтскаго чтенія. Для достиженія послѣднихъ цѣлей весьма полезна форма разсказа: доступная, художе-

ственная, увлекающая... Поэтический подбор фактов, их группировка, освѣщеніе, наконецъ — отношенія къ описываемому поэта, не только пробуждаютъ интересъ къ чтенію, но и будятъ и направляютъ чувства, мысли и желанія. Самые ничтожные факты, рассказанные искусно, способны сильно увлечь читателя, внушить ему глубокія мысли, возвышенныя чувства и стремленія: въ этомъ случаѣ важенъ не фактъ, а что и какъ сумѣлъ сказать о немъ авторъ.

Реалисты, требующіе рассказовъ изъ дѣйствительной жизни въ дѣтскомъ чтеніи, отвергаютъ сказку по двумъ побужденіямъ: 1) сказка искажаетъ представленія и понятія ребенка о вѣннемъ мірѣ, и 2) развиваетъ въ немъ интересъ къ событіямъ и рассказамъ, наполненнымъ неестественными созданіями фантазій.

Неосновательность этихъ соображеній авторъ разсматриваетъ съ такою же послѣдовательностію, съ какою разобралъ мнѣнія противниковъ относительно вымышленныхъ, но правдоподобныхъ, рассказовъ, именно со стороны значенія *сказки* въ дѣлѣ сообщенія свѣденій ребенку и со стороны значенія ея относительно развитія въ ребенкѣ интереса къ чтенію, возбужденія и направленія чувствъ, мыслей и желаній.

Относительно значенія *сказки*, обуславливающагося свѣденіями, какія почерпаетъ изъ нихъ маленькій читатель, авторъ такъ говоритъ: »Сказка съ ея неправдоподобными вымыслами нравится ребенку, и ребенку не *большому*, какъ многіе готовы утверждать, а всякому ребенку; малыя дѣти, за весьма рѣдкими исключеніями, рѣшительно предпочитаютъ сказку всѣмъ другимъ рассказамъ. Это объясняютъ сложившимся въ семьяхъ обыкновениемъ рассказывать дѣтямъ сказки, къ которымъ, такимъ образомъ, охотно они привываютъ. Но, во первыхъ, наблюденія надъ дѣтьми, лишенными всякаго надзора, оставленными на произволъ судьбы, которымъ никто и ничего умышленно не прививаетъ, показываютъ, что и они, въ маломъ возрастѣ, также предпочитаютъ сказку всему другому, какъ и дѣти, которыхъ систематически берегутъ отъ всего, что не фактъ. Во вторыхъ, въ нашихъ семьяхъ едва ли не больше установилось обыкновение читать наставленіе дѣтямъ въ прописныхъ истинахъ; однако же эти истины, не смотря на доброту ихъ, сколько извѣстно, не только не прививаются къ

дѣтямъ, а наоборотъ, становятся для нихъ нестерпимыми. Въ объясненіе сего естественнѣе остановиться на предположеніи, что, должно быть, сказка имѣетъ что-то такое, что соотвѣтствуетъ особенностямъ дѣтской натуры. Внимательное разсмотрѣніе вопроса убѣждаетъ въ основательности такого предположенія. Существенныя искаженія дѣйствительности въ сказкахъ заключаются въ преувеличеніяхъ и въ томъ, что дѣйствующимъ предметамъ усвояются свойства, которыми они въ дѣйствительности не обладаютъ. Человѣкъ дѣлаетъ чудеса; превращается въ невидимку, въ животное; строитъ невозможные дворцы при помощи двухъ-трехъ словъ, побѣждаетъ чудовищъ; животныя говорятъ, какъ люди, имѣютъ по нѣсколько головъ; лошади летаютъ; предметы неодушевленные, по своему произволу, двигаются, разговариваютъ и т. д. Такія преувеличенія дѣлаютъ изображаемые предметы болѣе замѣтными, рѣзче выдѣляющимися, и потому болѣе доступными дѣтскому воспріятію, представленію и пониманію.

Преувеличенія въ сказкѣ имѣютъ тоже значеніе, какъ увеличеніе и неестественно отчетливая очерченность рисунковъ, употребляющихся при преподаваніи. Преувеличенность размѣровъ, несуществующая отчетливость очертаній, группировка, отвѣчающая цѣлямъ преподаванія, все это, если хотите, искаженія, но искаженія однихъ сторонъ для болѣе рѣзкаго обнаруженія другихъ. Тоже самое и въ сказкѣ. Лисица разговариваетъ, думаетъ и чувствуетъ, какъ люди, но она сохраняетъ свой пушистый хвостъ, свои четыре ноги, два уха, заостренную морду, образъ жизни (въ норѣ), нищу, хитрость и другія черты, поименованныя и въ зоологіяхъ, такъ что, если одни факты въ сказкѣ мы видимъ искаженными или придуманными, а потому и не соотвѣтствующими дѣйствительно существующимъ свойствамъ предметовъ, за то другія совершенно согласны съ дѣйствительностію и также цѣнны въ общеобразовательномъ отношеніи, какъ и факты, почерпнутые изъ фотографически-вѣрнаго описанія дѣйствительности. Что сказать противъ такихъ доводовъ автора? Нельзя не согласиться съ нимъ.

Что же касается значенія сказки въ дѣлѣ развитія интереса къ чтенію, возбужденія и направленія чувства, мыслей и желаній, — въ этомъ отношеніи она, по словамъ автора, съ ея преувеличеніями отвѣчаетъ цѣли. »Отчетливые,

рѣзко очерченныя и яркіе образы и картины естественно привлекаютъ дѣтей къ чтенію и возбуждаютъ къ дѣятельности всѣ душевныя силы ихъ. Сказка вредна только въ такомъ случаѣ, если весь интересъ ея сосредоточивается только на искаженіяхъ и неестественныхъ вымыслахъ; когда авторъ не посмотрѣлъ на сказочныя искаженія, какъ на средства, которыми слѣдуетъ достигать тѣхъ или другихъ образовательныхъ цѣлей. Но если, пользуясь сказочными преувеличеніями, авторъ даетъ въ сказкѣ важныя и вѣрныя свѣденія (о жизни и нравахъ животныхъ, свойствахъ растений и проч.), или возбуждаетъ и благотворно направитъ чувства, мысль или желаніе читателя-ребенка, то онъ подаритъ нашу небогатую дѣтскую литературу цѣннымъ произведеніемъ».

Впрочемъ, придавая такое воспитательное значеніе сказкѣ, авторъ ограничиваетъ употребленіе ея. Маленькимъ дѣтямъ, говоритъ онъ, не слѣдуетъ давать для чтенія одни сказки, потому что это дѣйствительно можетъ развить ненормально сильное расположеніе къ сказочному элементу и къ сказочной формѣ, а также совѣтуетъ съ разборомъ давать сказки фантастическія, преисполненныя страшныхъ чародѣйствъ, ужасовъ, неожиданностей, отвратительныхъ картинъ и т. п., — равнымъ образомъ совѣтуетъ избѣгать такихъ сказокъ, въ которыхъ описываются — воровство, мошенничество, вѣроломство, поступки порочныхъ людей, любовныя отношенія между мужчинами и женщинами и т. под.

Кромѣ этихъ двухъ статей, въ *Педагогическомъ Сборникѣ* за минувшій годъ нѣтъ болѣе такихъ, которыя бы могли имѣть живой и прямой интересъ для сельскихъ пастырей, какъ воспитателей и учителей. О немъ въ этомъ отношеніи нужно замѣтить то же, что и объ *Учителѣ*. Въ прежніе годы въ *Педагогическомъ сборникѣ* встрѣчалось весьма много интересныхъ статей по разнымъ вопросамъ, касающимся воспитанія и обученія, напримѣръ — »о преподаваніи закона Божія« (1866 г.), »къ вопросу о преподаваніи закона Божія« (1868 г.), »Замѣтки о преподаваніи закона Божія« (1865 г.), »О чтеніи Библии въ военныхъ гимназіяхъ« (1867 г.), »На какомъ языкѣ нужно читать Библию въ военно-учебныхъ заведеніяхъ — на славянскомъ или русскомъ« (1867 г.), »О религіозно-правственномъ воспитаніи примѣнительно къ современному по-

требностямъ общества« — (1867 и 1868 гг.), »Цѣль и средства нравственнаго воспитанія« (1868 г.), »Личность воспитателя въ дѣлѣ воспитанія« (1867 г.), »О школьныхъ наказаніяхъ« (1867 г.)... и т. п. Ничего подобнаго не представилъ *Педагогическій Сборникъ* въ минувшемъ году. На этомъ основаніи и его, такъ же какъ и *Учитель*, мы не можемъ рекомендовать для сельскихъ пастырей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И. Э—скій.

ЗАМѢТКИ О ВѢРОВАНІЯХЪ НѢКОТОРЫХЪ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ ¹⁾.

О покойникахъ.

а). Почитаніе покойниковъ.

Въ обрядахъ и обычаяхъ многихъ кавказскихъ горцевъ первое, что бросается въ глаза наблюдающему, послѣ распространеннаго паническаго почитанія духовъ, дзинновъ и *отчасти* демоновъ ²⁾, — это сильное уваженіе горцевъ къ

¹⁾ См. № 38 »Рук. д. с. п.« 1868 г.

²⁾ Не перешедшее ли это почитаніе демона *эзидами* въ Закавказіи? Горцы не знаютъ, почему ничего дурнаго не слѣдуетъ говорить о демонѣ, кромѣ того, что онъ можетъ вредить людямъ и можетъ также благодѣтельствовать, способствовать счастью того или другаго семейства. Нѣчто подобное находимъ и у эзидовъ; они говорятъ, что Шейтанъ, свергнутый *царь ангеловъ*, нѣкогда будетъ возстановленъ въ прежней власти своей, прощенъ Богомъ и тогда въ состояніи будетъ награждать. (О эзидахъ можно прочитать у ученаго нѣмецк. путеш. Барона Ф. Гакстгаузена въ его сочиненіи »Закавказскій Край«. I т. 220-29 стр. и у Шопена, въ его »историческихъ памятникѣхъ армянской области« стр. 165-70. — *Налатъ Шайтанъ!* выраженіе, за которое эзидъ убиваетъ или себя или проклинателя, извѣстно также кавказскимъ горцамъ; *налатъ* и *шайтанъ* (вмѣстѣ: да будетъ проклятъ сатана!) ходячія, бранныя слова. У эзидовъ демону приносятъ въ жертву овцу, а у горцевъ преимущественно козла или пѣтуха. По всей вѣроятности, и понятіе о дзинахъ или дзиннахъ также перенесено изъ Персіи, гдѣ Деміургъ гностиковъ превратился въ шейтана эзидовъ, тѣмъ болѣе, что напр. осетинскій языкъ имѣетъ очень близкое родство съ персидскимъ, — фактъ, признанный филологомъ Адр. Шегреномъ и др. нѣмецкими изслѣдователями.

душамъ умершихъ, или къ покойникамъ. Извѣстно, что при стычкахъ или сраженіяхъ русскихъ войскъ съ горцами послѣдніе, какой бы урокъ ни претерпѣли, все таки не бросали труповъ убитыхъ на полѣ битвы, а старались унести ихъ съ собой, что, конечно, не мало помогало русскимъ солдатамъ выигрывать сраженія. Бѣгство безъ нихъ считалось двойнымъ позоромъ. Если поле битвы оставалось за русскими, и горцы не успѣли забрать съ собой тѣла убитыхъ, они старались ихъ выкупать, разумѣется, по цѣнѣ, какую только въ состояніи были дать. Если погибъ горецъ въ непріятельской странѣ, то родственники его, послѣ мирныхъ переговоровъ, отправляются за его трупомъ и, если не удастся даромъ получить его, также покупаютъ. Все это служитъ выраженіемъ того безпредѣльнаго уваженія, какое питаютъ къ своимъ покойникамъ едва ли не все кавказскіе горцы. Между Осетинскими племенами, въ сѣв. и южн. Осетіи, чеченцами, ингутами существуетъ клятва именемъ покойниковъ; именемъ любимыхъ особъ, умершихъ мужей, сыновей, близкихъ родственниковъ любятъ клясться преимущественно женщины, и между ними особенно молодыя ¹⁾. Важность такой клятвы равняется почти божьей. У всехъ осетинъ говорятъ: *ма-мадъ ма-фидъ-станъ*, если кто увѣряетъ въ чемъ нибудь именемъ своихъ покойныхъ родителей. Смыслъ словъ этихъ или подобной фразы всегдѣ понятенъ; но замѣчательно, что глаголъ, употребительный въ этихъ случаяхъ (*станъ*), отдѣльно не имѣетъ значенія или непонятенъ. Это объясняется тѣмъ, что клятва эта издавна въ употребленіи, сдѣлавшись какбы полусознательною, отъ чего и глаголъ самый, выражающій ее, вышедши между тѣмъ изъ употребленія въ жизни, утратилъ смыслъ. Изъ этого и изъ распространенности обычая давать клятвы именемъ покойниковъ, можно предполагать, что обычай этотъ еще языческій, весьма давнишній. Именемъ покойниковъ клянутся не одни христіане, но и магометане. Едва ли подобная клятва, родъ божьей, могла явиться вмѣстѣ съ исламізмомъ; алкоранъ не могъ позволить ее по своему строгому принципу вѣры въ *одного* Бога. Клятва на могилахъ родителей или вообще близкихъ покойниковъ равняется присягѣ именемъ Божи-

1) Онѣ не клянутся именемъ Божиимъ, — непринято.

имъ, по своей важности. Оскорбленіе къмъ нибудь своихъ покойниковъ, только словомъ, горець считаетъ большою обидою для себя. У Нарцевъ, сѣверныхъ осетинъ какъ христіанъ, такъ и магометанъ, у ингушъ и, вѣроятно также у черкесовъ, существуетъ такой обычай: чтобы отмстить за оскорбленіе фамильной, или семейной чести или за что нибудь важное, требующее большаго наказанія или возбуждающее презрѣніе цѣлаго общества; для этого часто оскорбленный прибѣгаетъ къ тому, что на могилѣ покойниковъ оскорбителя, особенно отца или матери, убиваютъ собаку или кошку; животныя эти считаются нечистыми; по этому убить ихъ на могилѣ покойниковъ другаго значить нанести ему самое сильное оскорбленіе, служащее позоромъ тому семейству, къ которому принадлежали покойники. Такой родъ оскорбленія, особенно прежде, возбуждалъ иногда кровную вражду между семействами, которая, если дѣло не улаживалось миромъ или пѣней, переходила къ дѣтямъ въ потомство, становилась фамильною, вызывая преслѣдованія и убійства съ обѣихъ сторонъ.

Въ честь покойниковъ ингуши, осетины, а также черкесы воздвигаютъ памятники, какъ знакъ особеннаго уваженія; воздвигаютъ ихъ или близкіе родственники, или, если покойникъ заслужилъ особеннымъ удалствомъ уваженіе всего аула, цѣлое общество; въ послѣднемъ случаѣ слагается также пѣсня героическаго содержания о подвигахъ умершаго. Особеннымъ выраженіемъ уваженія покойниковъ служатъ поминки.

Гассіевъ.